

Научная статья
УДК 32

<https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-181-186>

EDN AGSRJC

Российская модернизация в контексте социокультурного дискурса

Олег Юрьевич Керимов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Решение задач модернизации России включает в себя не только трансформацию базовых экономических, социальных, политических институтов, но и глубинные изменения социокультурной сферы общества, формирование адекватного современности ценностно-нормативного комплекса. Этот срез модернизационной тематики является предметом социокультурного дискурса, анализу методологической специфики которого посвящена настоящая статья. Автор фокусирует внимание на различиях версий социокультурной модернизации России в сравнении с концепцией «множественного модерна», показывая ее методологический потенциал в решении проблем модернизации незападных обществ.

Ключевые слова: модернизация, социокультурный подход, социокультурная модернизация, вестернизация, универсализм, цивилизация, архетипический символизм, западноцентрическая конвергенция

Для цитирования: Керимов О. Ю. Российская модернизация в контексте социокультурного дискурса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1. С. 181–186. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-181-186>. EDN AGSRJC

Politology and Ethnopolitics

Original article

Russian modernization in the context of socio-cultural discourse

Oleg Yu. Kerimov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. Solving the problems of modernization of Russia includes not only the transformation of basic economic, social, and political institutions, but also profound changes in the socio-cultural sphere of society, the formation of a value-normative complex adequate to modernity. This section of the modernization theme is the subject of socio-cultural discourse, the analysis of the methodological specifics of which is devoted to this article. The author focuses on the differences between the versions of socio-cultural modernization of Russia in comparison with the concept of "multiple modernity", showing its methodological potential in solving the problems of modernization of non-Western societies.

Keywords: modernization, socio-cultural approach, socio-cultural modernization, Westernization, universalism, civilization, archetypal symbolism, West-centric convergence

For citation: Kerimov O. Yu. Russian modernization in the context of socio-cultural discourse. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2024;(1):181–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-1-181-186>. EDN AGSRJC

Введение. Последние десятилетия общественного и политического развития России прошли под знаком трансформации общества и системы политических институтов, направленной прежде всего на цели модернизации. При этом социально-политическая модернизация не только российского, но и других постсоветских обществ мыслилась либеральными идеологами преобразований как максимально возможное приближение институциональных конфигураций, социальных

и политических практик, ценностных ориентаций, гражданской и политической культуры к моделям, сформировавшимся в западном цивилизационном пространстве на протяжении длительного исторического периода. Желаемым результатом либерального модернизационного проекта должна была стать политическая, социально-экономическая и культурная интеграция России в западный мир и систему международного разделения труда в качестве одной из западноориентированных стран глобальной периферии.

Ассоциированный с этими идеями ценностно-нормативный комплекс рассматривался как способный полностью заменить собой всё многообразие локальных культур и цивилизаций, наложившись на сформированные ими культурные идентичности. Культура в целом рассматривалась как значимая, но вторичная сфера, которая на протяжении некоторых сроков радикально изменится под влиянием осуществившихся социально-экономических и структурно-институциональных изменений.

Однако процессы модернизации не исчерпываются экономико-технологическими ее компонентами, поскольку другие стороны жизни общества, даже если рассматривать их как производные от состояния экономического базиса, хотя это и было бы редукционизмом, неотделимы от состояния экономики и, со своей стороны, могут тормозить ее развитие или способствовать ему, создавая оптимальную для него среду. Более того, эффективность модернизации экономики и политической сферы может испытывать критически значимое влияние системы социетальных ценностей, культурной среды и ментальности, которые обладают значительно большей инертностью в сравнении с социальными институтами. Поэтому многие исследователи фиксируют свое внимание именно на социокультурных компонентах модернизации, утверждая необходимость социокультурного исследования модернизационных процессов.

Среди таких исследователей необходимо назвать Н. И. Лапина, Н. Е. Тихонову, Л. А. Беляеву, И. П. Скворцова и др., сформировавших особое направление в изучении модернизации – социокультурный дискурс.

Социокультурный дискурс о модернизации: основные проблемы. Центральной темой социокультурного дискурса в связи с модернизацией является влияние долговременных социокультурных факторов на развитие или торможение модернизационных процессов. Так, согласно И. П. Скворцову, социокультурные факторы имеют принципиальное значение, поскольку именно они определяют выбор осуществляющей модернизацию элитой механизмов и технологий реализации социальной и культурной политики [1, с. 22].

В то же время в центре социокультурного дискурса о модернизации российского общества – вопрос, сформулированный со всей четкостью Н.И. Лапиным: «Что тормозит модернизацию России и что надо сделать, чтобы в условиях жесткой конкуренции сохранить и повысить модернизационный статус России и ее конкурентоспособность в мире?» [2]. Отвечая на этот вопрос, Лапин подчеркивает, что главная причина торможения и незавершенности модернизационных процессов в России заключается в том, что не завершена социетальная трансформация, под которой подразумевается преобразование общества в его целостности, а не только экономических институтов. На эту незавершенность указывают также Т. И. Заславская, В. Ф. Ядов и другие исследователи. По мнению Н. И. Лапина, поскольку процесс российской модернизации был инициирован, но не обрел завершения, в результате незавершенных преобразований возникло «промежуточное транзитное состояние российского общества – симбиоз структур раннего капитализма с современной глобализацией: олигархо-бюрократический капитализм с компрадорской доминантой, которая подчиняет создаваемый в России капитал интересам транснационального бизнеса» [2].

Социокультурная сфера значима для реализации модернизационных программ также и потому, что в ней происходит формирование и межгенерационная трансляция социальных ценностей и норм, лежащих в основании индивидуальных и коллективных поведенческих мотиваций. Так, переход к рыночной экономике в России был связан с ломкой привычных коллективистских ценностей и нормативно-ценностного комплекса, сложившегося под воздействием коммунистической идеологии, а также с вторжением и утверждением ценностей индивидуализма и достижительности, сформировавшихся в западном социокультурном пространстве. Этот процесс был и остается длительным, сложным и болезненным, приводя общество к конфликту ценностей и ставя его на грань социокультурного раскола.

Для России эти процессы особенно сложны из-за поликультурного, полиэтничного и поликонфессионального характера российского общества, из которого следует неравномерность социокультурного развития регионов, сильного влияния локальной культурной и религиозной специфики.

Еще одна причина значимости социокультурных факторов модернизации заключается в том, что именно социокультурная сфера ответственна за качество человеческого потенциала общества, наличие условий для формирования креативных качеств, мотиваций к социальной и экономической активности. Многообразие, неравномерность социально-экономического и социокультурного развития регионов России добавляет сложности в осуществление и завершение модернизационных преобразований. При этом без социокультурной модернизации этот процесс так и останется незавершенным. Как пишет Н. И. Лапин, «материалы социокультурных портретов регионов, опирающиеся на социологические опросы населения, свидетельствуют о низкой человеческой эффективности процессов модернизации регионов, хотя статистически фиксируется инерционный рост ее социоэкономических индексов. Налицо социокультурно несбалансированная квазимодернизация» [2].

В конечном счете успех или неуспех модернизации зависит от людей, а люди – продукт воспитавшей их социокультурной среды. Как пишут А. А. Шабунова и М. А. Ласточкина, модернизация в российском обществе прежде всего должна стать процессом «улучшения человеческого потенциала и повышения социокультурной компоненты развития общества» [3].

Однако именно проблематика социокультурной модернизации является предметом практически непреодолимых разногласий, благодаря которым социокультурный дискурс о модернизации полон противоречий и полемики. Значительная часть авторов, пишущих о социокультурной модернизации современной России, изначально стояли на либеральных позициях, полагая, что в процессе ее осуществления российское общество и его социокультурное пространство будет максимально приближено к западному социокультурному миру по многим параметрам, включая развитость гражданского активизма, толерантность, гласность, отказ от культурных установок и стереотипов, сформированных традиционным обществом.

Процессы, происходящие при этом с культурной идентичностью россиян и объединяющими их ценностями, могут быть неоднозначными» [4]. По мнению Н.Е. Тихоновой, социокультурная динамика современного российского общества наиболее исчерпывающим образом объясняется с позиций теории модернизации. При этом исследовательница подчеркивает: «Модернизацию я понимаю в ее неомодернизационной трактовке – как протекающий в разнообразных формах с учетом особенностей национальных культур и исторического опыта народов процесс, благодаря которому традиционные общества достигают состояния модерна посредством экономической, политической, социальной, культурной, демографической и социокультурной модернизации. Под последней я подразумеваю формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего локус-контроля, что и создает базу для формирования и успешного функционирования новых социальных институтов» [4].

В. Р. Браславский, критически анализируя подход Н. Е. Тихоновой, относит его к категории попыток совмещения «линейно-модернизационной» парадигмы с «локально-цивилизационной» на основе разработки «теории «социокультурной», или «многокультурной», модернизации, призванной учесть вариативность путей и способов модернизации» [5]. Такой подход, по его мнению, направлен на соединение необходимых с точки зрения классических и современных теорий модернизации структурно-институциональных преобразований и усложнения социальной системы с поддержанием культурно-цивилизационной преемственности.

Незавершенность социокультурной модернизации, по мнению Тихоновой и других представителей социокультурного дискурса, является определяющим барьером для успешного развития России. Эта незавершенность определяется исторически сложившейся в России спецификой культурно-нормативной системы, отражающей сращенность власти и собственности при определяющей роли власти [4].

Выступая как препятствие для завершения во всей полноте модернизационных процессов, эта фундаментальная особенность оценивается исследователями с двух различных позиций. Одна из них, разделяемая Тихоновой и ее единомышленниками, заключается в том, что модернизация – и социально-экономическая, и социокультурная – в России необходима и возможна, лишь остается

незавершенной в силу социокультурных особенностей, которые принципиально преодолимы, хотя и создают барьер на пути преобразований. Главная из таких особенностей – ценностно-нормативный комплекс, сохраняющий и транслирующий ценности традиционного типа, вступающие в противоречие с модерными ценностями индивидуализма и достижительности.

Необходимо подчеркнуть, что ценностно-нормативным комплексом не исчерпывается своеобразие социума и культуры. Корни своеобразия скрываются глубже, в цивилизационной специфике, которая определяется сакральными символическими структурами культурно-цивилизационного ядра. Об этом пишет известный исследователь модернизационных процессов Ш. Эйзенштадт.

Согласно Эйзенштадту, развитие цивилизации прежде всего возможно там, где имеется потенциал обогащения и обновления с сохранением прежней культурной идентичности и символизма культуры. В концепции Эйзенштадта именно архетипика культуры является основанием развития и освоения новых форм жизнедеятельности, формирования новых, адекватных современности коллективных представлений. Реальный потенциал развития кроется именно в культуре, а не в технологиях и экономике, поскольку поведенческие мотивации основываются на смысловых ценностях, определяющих духовный мир членов сообщества.

Альтернативная социокультурному подходу позиция, представленная наиболее ярко О.И. Шкаратаном, состоит в том, что Россия из-за своих цивилизационных особенностей, сближающих ее с азиатскими обществами, имеет собственный путь социального бытования, на котором происходящие изменения цикличны и социокультурная модернизация на основе ценностно-нормативных конструкций, восходящих к западной культуре, здесь в принципе невозможна [6]. Ценностно-нормативной основой социетальной системы этакратических обществ является коллективистский ценностно-нормативный комплекс, не ориентирующий на приоритетную ценность прав и интересов индивидов. Интересы макрообщности, репрезентированные государством, и само государство как инструмент воплощения в реальность коллективных интересов посредством подавления индивидуальных, доминируют в нормативно-ценностной системе, и это препятствует формированию ценностных ориентаций, характерных для развитого общества современного типа (для такого общества нормой является ситуация, когда государство как инструмент служит поддержке прав и интересов входящих в это общество индивидов).

Традиционалистский нормативно-ценностный комплекс, согласно представителям этакратической версии, определяется цивилизационной спецификой России. И если Н. Е. Тихонова считает, что он является преодолемым в эволюционные сроки, то по мнению О. И. Шкаратана и его единомышленников, он органично вписан в культурно-цивилизационный код России. Как отдельная цивилизация, не принадлежащая цивилизационному пространству Европы, полагает он, Россия не может ориентироваться в своих социокультурных изменениях на западные общества, для которых модернизация – естественное продолжение эндогенного цивилизационного развития. Согласно Шкаратану, «этакратизм – самостоятельная ступень и параллельная ветвь исторического развития современного общества со своими собственными законами функционирования и развития. С утверждением этакратизма историческое развитие как бы закладывает виток гигантской спирали, на котором вновь формируются общества властного типа» [7, с. 51]. Таким образом, если для Тихоновой социокультурные отличия России глубоко укоренены, но всё же переходящи, а ценности и образцы европейской модерности неотделимы от всякого модернизирующего развития, то для Шкаратана корни незавершенности российской модернизации лежат глубже, они – в принципиально ином паттерне исторического развития, цивилизационно обусловленном. Указывая на цивилизационный неизоморфизм России и западного мира, исследователи не только в специфике институциональной среды, но и в социокультурной сфере находят те глубокие различия, через которые проявляются цивилизационные отличия.

Судьба российской модернизации в этом смысле – частный случай проблемы глобального масштаба. Социокультурный дискурс о модернизации в целом направлен на выяснение вопроса, существуют ли преграды для успешного завершения модернизационных процессов в незападных обществах с иной социокультурной базой. Классические теории модернизации опирались на представление о социокультурном и цивилизационном изоморфизме и предполагали, что одни и те же институциональные и технологические изменения в различных социокультурных мирах вызовут одинаковые результаты.

Критическое переосмысление теорий модернизации первых поколений привело к отказу от вестернизирующего универсализма и признанию того факта, что не только типов модернизирующих изменений, но и самих модернов может быть множество.

Так, теория множественных модернов, предложенная Ш. Эйзенштадтом, утверждает, что модернизация по типу вестернизирующей не является универсально пригодным проектом преобразования незападных обществ. Причиной тому являются именно социокультурные и структурно-символические различия между локальными культурными традициями. Исходя из плюрализма культурно-цивилизационных форм в их онтологических истоках – базовом архетипическом символизме, Эйзенштадт полагает, что имеет место определенная автономность и специфичность процессов развития культурно-символических структур, определяющих характер цивилизации.

При этом именно социокультурная динамика цивилизации, согласно Эйзенштадту, является определяющим эндогенным фактором цивилизационного развития, в том числе и перехода к современной социальной организации от традиционной. Эйзенштадт полагает, что достижение современного состояния определяется в первую очередь «принципиально новым уровнем социокультурной динамики и интенсификацией развития» [8], связанным с более эффективным, чем ранее, сочетанием институциональных конфигураций и ценностных структур. Такие сочетания возможны потому, что, согласно парадигме символического структурализма структура институтов выстраивается в соответствии с архетипическими паттернами, имеющими духовную и символическую природу.

Концепция Эйзенштадта позволила высветить то, что оставалось непроясненным в более ранних теориях модернизации. А. В. Иванов в этой связи отмечает: «Сравнительные исследования цивилизаций Эйзенштадта продемонстрировали глубинную роль онтологических контекстов и конфликтную природу модерна, направив дальнейшее развитие исторической социологии, социологии религии и постколониальных исследований в социокультурное русло» [8]. Фактически именно Эйзенштадт стал основоположником уже не столько социокультурного, сколько цивилизационного дискурса, возникшего вокруг понятий модернизации и модерна: его смысловым стержнем стало новое представление о возможности понимать модерн вне однозначности и структурно-функционального подхода, присущих классическим теориям модернизации. Как отмечает В. Г. Федотова, качественное отличие теории Эйзенштадта в том, что она вносит в социокультурный дискурс о модерне и модернизации новую для него цивилизационную парадигму, которая вошла в теорию модернизации как ее существенный компонент [9].

Выводы. Стержнем социокультурного дискурса о модернизации является дискуссия между представителями различных подходов к пониманию модернизационного процесса. Один из них акцентирует макроисторическую тенденцию к расширению и интенсификации межкультурного и межцивилизационного взаимодействия в глобальном масштабе и порождаемой им западноцентричной конвергенции цивилизаций на основе заимствования незападными культурами ценностно-нормативного комплекса и институциональных конфигураций западного типа модерна. Этот подход представлен как классическими теориями модернизации, так и теориями более позднего поколения.

Второй подход подчеркивает и акцентирует устойчивость и нередуцируемость исторически сложившейся социокультурной специфики, обуславливающей хроническую незавершенность российской модернизации.

Нам представляется, что теория множественного модерна более реалистична в понимании возможностей, границ и перспектив модернизации незападных обществ. В целом теория множественного модерна дает концептуальные основания рассматривать социокультурную модернизацию незападных обществ, цивилизационно отличающихся от западного мира, как путь развития, отвечающий их социокультурной специфике, но при этом генерирующий и развивающий смыслы и ценности модерна.

Список источников

1. Скворцов И. П. О социокультурных аспектах модернизации современной России // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 20–24.
2. Лапин Н. И. О стратегии интегрированной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 1 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strategii-integririvannoy-modernizatsii> (дата обращения: 19.02.2023).

3. Шабунова А. А., Ласточкина М. А. Преодоление социального неравенства как импульс к социокультурной модернизации // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3 (33). С. 69–83.
4. Тихонова Н. Е. Динамика социокультурной модернизации в России // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 24–34.
5. Браславский Р. Г. Цивилизационная перспектива в социологическом анализе современных обществ // URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_6/Braslavsky_2012_6.pdf
6. Шкаратан О. И. Этакратизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004. № 9. URL: <https://publications.hse.ru/articles/71639210>
7. Шкаратан О. И. Информационная экономика и пути развития России // Мир России. 2002. Т. 11. № 3. С. 44–61.
8. Иванов А. В. «Множественные современности»: диалектика единства и разнообразия в эпоху глобализации // Фундаментальные исследования. 2014. № 6. Часть 3. Философские науки. С. 654–659. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34220>
9. Федотова В. Г. Социокультурные образы модернизации конца XX - начала XXI века: россия и мир // Знание. Понимание. Умение. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-obrazy-modernizatsii-kontsa-hh-nachala-xxi-veka-rossiya-i-mir>

Reference

1. Skvortsov I. P. On the socio-cultural aspects of modernizing modern Russia. *Theory and practice of social development*. 2011;(4):20–24. (In Russ.)
2. Lapin N. I. On the strategy of integrated modernization. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2014;1(31). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-strategii-integrirovannoy-modernizatsii> [Accessed 19 February 2023]. (In Russ.)
3. Shabunova A. A., Lastochkina M. A. Overcoming social inequality as an impulse to socio-cultural modernization. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2014;3(33);69–83. (In Russ.)
4. Tikhonova N. E. Dynamics of socio-cultural modernization in Russia. *Sociological science and social practice*. 2013;(1):24–34. (In Russ.)
5. Braslavsky R. G. (2012) *Civilizational perspective in the sociological analysis of modern societies*. Available from: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2012_6/Braslavsky_2012_6.pdf. (In Russ.)
6. Shkaratan O. I. Etakratism and the Russian societal system. *Social sciences and modernity*. 2004;(9). Available from: <https://publications.hse.ru/articles/71639210>. (In Russ.)
7. Shkaratan O. I. Information economy and ways of development of Russia. *The world of Russia*. 2002;11(3):44–61. (In Russ.)
8. Ivanov A. V. "Multiple modernities": dialectics of unity and diversity in the era of globalization. *Fundamental Research*. 2014;(6). Part 3. Philosophical Sciences. Pp. 654–659. Available from: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34220>. (In Russ.)
9. Fedotova V. G. Socio-cultural images of modernization of the late XX – early XXI century: Russia and the world. *Knowledge. Understanding. Ability*. 2018;(2). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnye-obrazy-modernizatsii-kontsa-hh-nachala-xxi-veka-rossiya-i-mir>. (In Russ.)

Информация об авторе

О. Ю. Керимов – соискатель ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

O. Yu. Kerimov – Candidate for an Academic Degree, South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 15.02.2024; принята к публикации 16.02.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 15.02.2024; accepted for publication 16.02.2024.